

Мы видим, что сказочными персонажи кажутся только на первый взгляд. Они наделены человеческими характеристиками, как внутренними, так и внешними. Им не чужды в основном, отрицательные черты характера: подлость, зависть, хитрость, лицемерие. Шварц пародирует классические сказочные персонажи, изображая их смертными. В его сказках герои умирают от человеческих заболеваний или «от старости», как обыкновенные люди, чего не встретишь в сказках братьев Гримм или Г.Х. Андерсена [1; 2].

Список литературы

1. Казиева А. М. Тенденции интерпретирования и дефинирования понятия «ирония» в художественном тексте / А. М. Казиева, Е. А. Шевель // В мире научных открытий. – 2015. – № 11.2 (71). – С. 999–1005.
2. Казиева А. М. Картина мира жанра и историко-поэтический процесс / А. М. Казиева, А. К. Калабергенова // Университетские чтения – 2016 : материалы науч.-метод. чтений ПГЛУ. – Пятигорск, 2016. – С. 31–36.
3. Шварц Е. Л. Пьесы : в 2 т. / Е. Л. Шварц. – М. : Флюид, 2008.

References

1. Kazieva A. M., Shevel' E. A. *Tendencii interpretirovanija i definirovanija ponjatija «ironija» v hu-dozhestvennom tekste* [Trends of interpretation and definition of the concept of "rony" in a literary text]. *V mire nauchnyh otkrytij* [In the world of scientific discoveries], 2015, no. 11.2 (71), pp. 999–1005.
2. Kazieva A. M., Kalabergenova A. K. *Kartina mira zhanra i istoriko-pojeticheskij process* [Picture of the world of the genre and the historical and poetic process]. *Universitetskie chtenija – 2016* [University of reading – 2016]. Pyatigorsk, 2016, pp. 31–36.
3. Shvarc E. L. *P'esy: in 2 vol.* [Plays: in 2 vol.]. Moscow, Fljuid publ., 2008.

КОГНИТИВНО-ЭМОТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЖАНРА РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ (на материале экзегезы Вяч. Пьецуха «Нагорная проповедь и Россия»)

Крутова Ирина Николаевна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный технический университет, 414052, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 16; докторант, Волгоградский государственный университет, 400062, Россия, г. Волгоград, пр. Университетский, 100, e-mail: dartsk@mail.ru.

Бычков Дмитрий Михайлович, кандидат филологических наук, Астраханский государственный технический университет, 414052, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 16, e-mail: dmitriybychkov@mail.ru.

В статье с позиции когнитивного подхода исследуется механизм создания произведения жанра религиозно-философской публицистики. Объектом для анализа является публицистическое сочинение «Нагорная проповедь и Россия» Вяч. Пьецуха. Показано, что экзегеза представляет собой творческий процесс рецепции Библии и является результатом мыслительной деятельности автора и его субъективного представления актуальной картины мира. В когнитивно-эмоциональном пространстве отображаются устойчивые и закономерные свойства сознания религиозной личности и ее отношение к сакрально воспринимаемому плану действительности, что существенно для разрешения познавательных проблем. Делаются наблюдения, как в тексте современного публициста проявляются обобщающие оценки, анализ через синтез, рефлексивность, репрезентативный опыт религиозной личности.

Ключевые слова: публицистика, когнитивные процессы, дискурс, эмоциональность, рефлексия

**COGNITIVE-EMOTIONAL SPACE
OF THE RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL GENRE OF JOURNALISM
(on the material of exegesis Vyach. Pyetsukh
“Nagornaya propoved’ and Russia”)**

Krutova Irina N., Candidate of Philological Sciences, 414052, Russia, Astrakhan, 16 Tatishchev st.; Doctoral Candidate, Volgograd State University, 400062, Russia, Volgograd, 100 Universitetsky st., e-mail: dartsk@mail.ru.

Bychkov Dmitry M., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State Technical University, 414052, Russia, Astrakhan, 16 Tatishchev st., e-mail: dmitriybychkov@mail.ru.

In article was investigated the mechanism of creation a composition of religious-philosophical genre of journalism from a position of cognitive. An object for the analysis is the publicistic composition «Nagornaya propoved’ and Russia» of Vyach. Pyetsukh. It is shown that exegesis represents creative process of reception of the Bible and is the result of mental activity of the author and his subjective representation of a relevant picture of the world. The steady and natural properties of consciousness of the religious personality and her relation to sacrally perceived plan of reality are displayed in cognitive-emotional space that is essential to permission of informative problems. It is observed as in the text of the modern publicist the generalizing estimates, the analysis through synthesis, reflexivity, representative experience of the religious personality are shown become.

Keywords: journalism, cognitive processes, discourse, emotivity, reflection

Экзегетика как акт христианской практики рецепции канонических библейских текстов актуализирует когнитивные способности религиозной личности, в том числе современных писателей и публицистов. В целях воплощения креативной рецепции предтекста автор создает оригинальный дискурс. Дискурс, в определении В.И. Тюпы, есть интегрированное единство креативной, референтной и рецептивной компетенций коммуникативного события. Американская исследовательница текста и дискурса Рут Водак не определяет авторскую стратегию как нечто рациональное и понятное от начала до конца. Она рассматривает ее скорее как зависимую от субъективных оценок и возможностей: автор во многом действует неосознанно, иррационально и эмоционально [7, с. 214].

Библия становится источником экзегетики современных писателей и публицистов, воплощающих индивидуально-авторское (и поэтому субъективное) видение предмета религиозно-философской рецепции, что отличает их произведения от богословских (клерикальных) сочинений, в том числе публицистических, ориентированных в свою очередь на конвенциональный дискурс. Для новейшей клерикальной публицистики характерны следующие особенности: проповеднический тон, последовательность развития мысли, минимум риторических фигур, простота синтаксических конструкций, – все, что делает письменный текст эффективным. Вместе с тем клерикальная публицистика обращена к активному восприятию, нацелена не только на решение богословских, внутрицерковных проблем, но и, прежде всего вопросов морально-нравственного порядка, связанных с духовным здоровьем общества [4, с. 18].

Источником для экзегетической рецепции Вяч. Пьецуха служит Нагорная проповедь, самый яркий отдельный пассаж в составе всего Нового Завета, нередко по своему содержанию воспринимающийся как его центральная часть. [1, с. 150]. Сознание автора-публициста, воспринимая библейский предтекст, порождает собственный инвариант модифицированного сочине-

ния, воплощая в тексте фрагменты непосредственно процесса рецепции. Определенное рецепции становится основной темой их произведений. Процесс рецепции предтекста, отдаленного во времени, и создание на его основе авторского комментария к нему происходит как столкновение индивидуально-авторского (и поэтому уникального), творческого по своему характеру видения текста и его историко-культурного контекста, т.е. эстетико-смысловых пластов, в которых закреплена художественная суть всех предшествующих воплощений предтекста и вариантов его регенерации в истории литературы.

Экзегетическое сочинение, созданное в результате опыта творческой рецепции Библии, отражает мыслительную деятельность автора как сложный психический процесс обобщенного и опосредованного представления устойчивых и закономерных свойств сознания религиозной личности и ее отношения к сакрально воспринимаемой действительности, что существенно для разрешения познавательных проблем.

Мышление, как известно, формирует структуру индивидуального сознания человека, классификационно-оценочные эталоны индивида, его обобщенные оценки увиденного или известных ему фактов и переживаемых событий, характерную для него интерпретацию явлений, обеспечивает их субъективное в своей основе понимание.

Публицист познает сакральный текст и оценивает собственный статус в его контексте: *«Я человек не религиозный. Я человек верующий, причем верующий довольно неявно и широко. Я, например, не в состоянии представить себе Создателя таким вселенским судьей, надзирающим за каждым моим поступком; Бог для меня есть скорее таинственное единство дыханий мира, из которого единства вытекают непреложные законы или, может быть, только правила бытия...»* [6]. Публицист стремится включить «новое», «современное» в систему имеющихся онтологических (бытийных) значений и религиозных смыслов. С богословской точки зрения, «слова Иисуса в Нагорной проповеди – это не плод книжной мудрости. Это слова Самого Бога, обращенные к человеку. Именно осознание того, что слова Нагорной проповеди принадлежат Богу, является ключом к пониманию ее смысла и значимости» [2, с. 204]. В тексте-комментарии, напротив, вербализована такая закономерность мышления человека, как рефлексивность – самоотражение субъекта. Публицист как мыслящий субъект постоянно рефлексивирует, вербально отражает ход своего мышления, критически его оценивает, выражает собственное отношение, как к каноническому тексту, так и его современной интерпретации (саморефлексия), допускает фигуру самоуничтожения: *«Бог для меня есть скорее таинственное единство дыханий мира, из которого единства вытекают непреложные законы или, может быть, только правила бытия. К тому же в моем пантеоне еще и отечество, и светлое будущее, и могучий человеческий интеллект, то есть я, похоже, обыкновенная мятущаяся натура, слишком невольник логически настроенного ума, которому, впрочем, не чужд идеалистический, по крайней мере, возвышенный образ мыслей...»* [6].

Публицист отражает современное отношение к каноническому сочинению обобщенно и опосредованно, сопоставляя факты, делая умозаключения, выявляя закономерности в различных группах явлений, в том числе находясь под воздействием политической обстановки *«А то обратимся к родной истории: память народная стойко хранит невинно убиенных Бориса и Глеба, а об их погубителе Святополке Окаянном знают только специалисты, и не Антонов-Овсеенко нас трогает за живое, а небрежно расстрелянный Гумилев, также о террористе Каляеве лишь то и известно, что есть улица его имени, и вот нас умиляют жены декабристов, но никак не волнуют жены большевиков...»* [6].

Замечая связи между наблюдаемыми нынешними явлениями и бытийными событиями библейского прошлого, устанавливая всеобщий (онтологический) характер этих связей, публицист философски осваивает мир, эмоционально организует свое взаимодействие с ним: «... из этого, разумеется, не следует, что выгоднее, насущнее, богоугодней быть бедным и больным, нежели богатым и здоровым, это уж как жизнь сложится, равно не следует, что мы принципиально не одобряем состоятельных людей, пышущих здоровьем и не вдающихся в высокую философию, а все дело в том, что такова иерархия наших ценностей, такими уж мы, русские, уродились, жалостливыми, смиренными, взыскующими отвлеченных истин, во всяком случае, не видящими ничего худого в положении униженного и оскорбленного, и даже умеющими извлекать из него странного вида радость, которая частенько воспаряет до чувства избранности, до гордыни...» [6].

Эмоциональность рассматривается нами как обязательное свойство публициста, неотъемлемое качество его языковой личности, как регулирующее основные процессы смыслопорождения и формирования прагматики высказываний на актуальную тему, так и проявление незапланированного, инстинктивного, бессознательного процесса проявления эмоций, который обладает значительным прагматическим потенциалом, способностью передавать широкий круг коммуникативных значений и намерений. Эмотивность развивается на основе эмоционального аспекта когнитивно-коммуникативной деятельности индивида и представляет собой результат интеллектуального толкования, интерпретации эмоциональности. Являясь функционально-семантической категорией, формируемой эмотивными языковыми средствами всех уровней, она служит для внешней передачи носителями языка своего эмоционального состояния и отношения к миру. Эмотивность представляет собой сознательный, запланированный процесс демонстрации эмоций, лингвистическое выражение эмоциональности [5, с. 14–15]. Таким образом, религиозно-философская публицистика является полем бессознательных логических операций и обладает логическим инструментом разрешения следующих противоречий: «... с течением времени человечество подросло и вышло за рамки саморегулируемой первоначальности, до того человечество развивалось, что жалкое его знание вступило в противоречие с самой идеей человека как высшего и вечного существа» [6]. В религиозно-философской публицистике рассматриваются противоречия физиологического и духовного, материального и метафизического. Мышление движется от факта к обобщению, от явления к сущности.

Процесс решения религиозно-философских вопросов в репрезентативном опыте имеет определенную структуру, подчиненную стадиям и механизмам решения познавательных задач. Отчасти структурность мышления проявляется в последовательной композиции комментария, а также в отдельных взятых его фрагментах, в которых проявляются присущие публицисту стиль и стратегии мышления. Когнитивный стиль, познавательные установки и категориальная структура (семантическое, смысловое пространство) отображается во всем объеме рассуждения.

В экзегетическом сочинении в рамках религиозного дискурса происходит изменение эмоционального фона и эмоционального настроения автора, переходящего в каждом отдельном комментарии к Откровению на новую стадию становления и развития собственной коммуникативной компетенции, что связано с изменением эмоционального фона, с преобладанием положительной направленности, что определяется глобальными целями религиозного дискурса [3, с. 51].

Автор использует мыслительные операции сравнения, обобщения, абстракции, классификации, систематизации и конкретизации. Субъективность как

категория мышления приравнивается к религиозности как свойству его личности, способности к онтологической репрезентации.

В отдельных фрагментах комментария, составляющих композицию произведения Вяч. Пьецуха, в редуцированной форме находит отражение мыслительная операция сравнения, раскрывающая тождество и различие явлений и их свойств, позволяющая публицисту произвести их классификацию и обобщить репрезентативный опыт. Сравнение – элементарная первичная форма познания человеком мира «...с одной стороны, это вовсе немудрено, что христианство воцарилось на Руси столь скоро и практически без борьбы, в то время как и в Римской империи, и в Западной Европе на это потребовались столетия, поскольку немного найдется народов в мире, чей национальный характер до такой степени отвечал бы чаяниям Христа, но, с другой стороны, немного найдется стран, где так трудно, накладно, невыгодно быть христианином, как на нашей святой Руси...» [6].

Сравнение, как считают психологи, лежит в основе стабильности сознания, его дифференцированности (несмешиваемости понятий): «Скажем, американцам и две тысячи лет спустя после заклания на кресте решительно непонятно, что же это такое: «Проще верблюду пролезть сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царствие Небесное», – а у нас понятно, потому что на Руси правдой не разбогатеешь, потому что мы, конечно, вправе «собирать себе сокровища на земле», но, во-первых, их у нас почему-то постоянно «ржа и моль истребляют», во-вторых, последовательно «воры подкапывают и крадут», в-третьих, государство испокон веков обирает до нитки, в-четвертых, даже тертые, умудренные жизнью люди стоят на том, что не в деньгах счастье; в чем именно оно состоит – это нам по-прежнему невдомек, но что не в деньгах – уж это точно» [6]. На основе сравнения делаются обобщения.

Обобщение может осуществляться на двух уровнях. Первый, элементарный уровень – соединение сходных предметов по внешним признакам (т.н. генерализация). Но подлинная познавательная ценность в репрезентативном опыте выражается на обобщении второго, более высокого уровня, когда в явлениях выделяются существенные общие признаки отнологического свойства «...видимо, у Создателя был неширокий выбор: либо сотворить человека развивающимся, медленно прогрессирующим до возможной степени совершенства, либо не сотворить, потому что, наверное, и у Бога ничто не берется из ничего, но нуклеиновая кислота из слова, вирус из нуклеиновой кислоты, флора из вируса, фауна из флоры, а там уже и до кроманьонского человека недалеко...» [6].

Основным механизмом мышления, его общей закономерностью, как известно, является анализ через синтез: выделение новых свойств в объекте (анализ) посредством его соотнесения (синтеза) с другими объектами.

Таким образом, при всем выше сказанном о закономерностях мышления в расположении материала проявляется закономерность селективности, т.е. способность интеллекта публициста оперативно отбирать необходимые знания. Для этого знания индивида должны быть систематизированы, сведены в иерархически организованные структуры.

Данные установки мышления, на наш взгляд, лежат в основе когнитивно-дискурсивного механизма порождения жанра религиозно-философской публицистики. Новейшая российская публицистика представляется отдельной «имагинативной практикой», основанной на когнитивно-дискурсивных способностях современных писателей, текстуализирующих авторскую позицию, в том числе посредством категории эмотивности. Эмотивность играет важную роль в осуществлении процессов речевого мышления, и требуют дальнейшего анализа, поскольку эмотивные конструкции характеризуются высокой частотностью употребления в публицистике – важнейшей сфере воздействия на читателя.

Список литературы

1. Алексеев А. А. Нагорная проповедь: история и современность / А. А. Алексеев // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2015. – Сер. 9. Язык и литература. – С. 150–158.
2. Алфеев Митрополит Илларион. Структурно-композиционный анализ Нагорной проповеди / Митрополит Илларион (Алфеев) // Христианское чтение. – 2016. – С. 195–205.
3. Бобырева Е. В. Когнитивно-эмоциональное пространство религиозной коммуникации / Е. В. Бобырева // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2015. – Т. 1, № 2 (2). – С. 51–59.
4. Бычков Д. М. Агиографический дискурс в современной русской прозе : монография / Д. М. Бычков. – Астрахань : АГУ, 2015. – 199 с.
5. Крутова И. Н. Реализация эмотивных синтаксических идиом в художественном дискурсе (на материале современной русской прозы) : монография / И. Н. Крутова. – Астрахань : Астраханское художественное училище (техникум) им. П.А. Власова, 2017. – 108 с.
6. Пьецух Вяч. Нагорная проповедь и Россия / Вяч. Пьецух. – Режим доступа: <http://kiv.pp.ru/piezuh/prop.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. Тичер М. Методы анализа текста и дискурса / М. Тичер, Р. Мейер, Е. Водак, Е. Ветер. – М. : Гуманитарный центр, 2009. – 356 с.

References

1. Alekseev A. A. *Nagornaja propoved': istorija i sovremennost'* [Sermon on the mount: history and modernity]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University]. 2015. *Ser. 9. Jazyk i literatura* [Ser. 9. Language and literature], pp. 150–158.
2. Alfeev Mitropolit Illarion. *Strukturno-kompozicionnyj analiz Nagornoj propovedi* [Structural and compositional analysis of the sermon on the mount]. *Hristianskoe chtenie* [Christian reading], 2016, pp. 195–205.
3. Bobyreva E. V. *Kognitivno-jemocional'noe prostranstvo religioznoj kommunikacii* [Cognitive-emotional space of religious communication]. *Vestnik Tjumen'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija. Humanitates* [Bulletin of Tyumen State University. Humanitarian studies. Humanitates], 2015, vol. 1, no. 2 (2), pp. 51–59.
4. Bychkov D. M. *Agiograficheskij diskurs v sovremennoj russoj proze* [Hagiographic discourse in modern Russian prose]. Astrakhan, AGU publ., 2015, 199 p.
5. Krutova I. N. *Realizacija jemotivnyh sintaksicheskikh idiom v hudozhestvennom diskurse (na materiale sovremennoj russoj prozy)* [Implementation of emotive syntactic idioms in artistic discourse (on the material of modern Russian prose)]. Astrakhan, Astrahanskoe hudozhestvennoe uchilishhe (tehnikum) im. P.A. Vlasova publ., 2017, 108 p.
6. P'ecuh Vjach. *Nagornaja propoved' i Rossija* [The sermon on the mount and Russia]. Available at: <http://kiv.pp.ru/piezuh/prop.htm>.
7. Ticher M., Mejer R., Vodak E., Veter E. *Metody analiza teksta i diskursa* [Methods of text and discourse analysis]. Moscow, Gumanitarnyj centr publ., 2009, 356 p.